

В. И. Крусс*

Конституционная футурология и наука права. Файл «криптовалюта»

***Аннотация.** Завораживающее ускорение социальной динамики побуждает к критическому восприятию традиционной методологии права, восходящей преимущественно к догматике юридического позитивизма. Современная наука права призвана дать оценку актуальным тенденциям, ведущим к качественному преобразованию общественных систем ближайшего и отдаленного будущего, и предложить опережающие модели их нормативного регулирования. С решением таких задач связан концепт конституционной футурологии, учитывающей необходимость сохранения приверженности принципу верховенства права даже в ситуации роста критических угроз и вызовов, порождаемых технологическими и социальными инновациями. Конституционная футурология может быть понята как актуальная редакция академической политики права. При этом в отличие от последней она избегает конкурирующей догматики и последовательно придерживается конституционного правопонимания. На такой основе становится возможной консолидация и синхронизация отраслевых юридических исследований «спящих факторов» эпохи постмодерна и цифровой экономики. В фокусе отдельного анализа берется феномен криптовалют и технологии блокчейна.*

***Ключевые слова:** опережающая методология права, конституционная футурология, конституционное конструирование и проектирование, постмодернизм и цифровая реальность, криптовалюта, блокчейн.*

DOI: 10.17803/1994-1471.2018.95.10.126-142

Академическая теория права никогда не была чужда социологическим обобщениям и производным от них обособлениям политики права как сектора критического моделирования оптимального правового регулирования меняющегося общественного уклада. В таких притязаниях политика права вряд ли могла когда-либо конкурировать с учениями политическими и экономическими, солидаризируясь с отдельными из них отнюдь не на пользу своему научному статусу и призванию (идейное наследие К. Маркса — одно из показательных тому подтверждений). Равным образом можно

указать на неизбежную зависимость политики права от философских и идеологических концептов, подвергаемую жесткой критике адептов юридической суверенности (Г. Кельзен).

Вместе с тем современная научная юриспруденция с некоторым запозданием обратила внимание на исторически беспрецедентное ускорение социальной и технологической динамики, следствиями которого озабочено большинство естественных и социальных наук. В этом контексте заявившая о себе в середине XX столетия скорее с философских позиций футурология также все более тяготеет к на-

© Крусс В. И., 2018

* Крусс Владимир Иванович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории права Тверского государственного университета
t-prava@yandex.ru
170100, Россия, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33

учности, стремясь исследовать «дремлющие факторы» будущего с позиций рациональной индукции и логики, помноженной на ресурсы компьютерного прогнозирования и темпоральной экстраполяции. Актуальная эмпирическая база и дизайн эпохи постмодерна и «постиндустриальной революции» располагают к такому подходу. Уже не выглядят фантастическими, но прямо стоят на близкой и среднесрочной повестке дня человечества¹ такие, например, предсказанные футурологами новации, как «алхимическая» — на основе нанотехнологий — трансформация веществ и материалов или соматическая комбинаторика. Инженерная перепланировка и перестройка человеческого тела и «чипизация» сознания вполне позволяют, наряду с бонусом «физиологического бессмертия», поставить продвинутых индивидуумов под удаленный тотальный контроль «большого брата». Социально-культурным «приложением» подобных обретений могут оказаться сюжеты духовно-нравственного «расчеловечивания» и экологического апокалипсиса. Освоение вождельных «даров» чревато последствиями непредсказуемыми, и тема «угроз и вызовов» настойчиво проступает в вариациях футурологического симфонизма.

Отдельным блоком, а возможно, и силовым контуром обозначенного «широкополосного» тренда, выступает всё, связанное с темой цифровизации, необратимо захватывающей — в глобальном измерении — экономическую, социальную, культурную и гуманитарную сферы жизни, преобразующей ее в единый цифровой формат. И даже если Земля не станет, как прочит Рэймонд Курцвейл², единым гигантским компьютером (биотехническим интеллектом),

юридическая наука обязана задуматься о том, найдется ли праву место в цифровом мире, нужно ли оно будет там и как (если сохранится) оно сможет оказывать регулирующее и охранительное воздействие по отношению к качественно преобразенной или насыщенной «альтернативными» доминирующими объектами и сущностями реальности? Возможны ли «оцифрованные» право и юридические практики, появятся ли некие универсальные — поскольку переводимы на язык цифровой двоичной кодировки — алгоритмы правоприменения?

По нашему убеждению, ответить на такие вопросы либо ответственно подойти к поиску ответов на них наука права может исключительно на основе конституционного правопонимания, осознавая и позиционируя себя как всеобщую конституционную теорию права. Подобно тому, как футурология в целом стремится интегрировать в своем методологическом арсенале достижения математиков и физиков, социологов и экономистов, биологов и лингвистов, конституционная футурология права также призвана осмыслить и переработать все помеченные «геном будущего» юридически значимые феномены и факторы, учитывая при этом идеи и предложения отраслевых юридических наук, давая им оценку и ориентируя на продолжение конституционно верифицируемых изысканий в критически взвешенном для всякого «юридического концепта действительности» (Г. А. Гаджиев³) *правильном*, т.е. легитимном, направлении. Для обоснования состоятельности подобных притязаний уместна развернутая аргументация с отсылками к теориям конституционного правопользования и конституционализации права⁴. Здесь, однако, перед нами

¹ Согласно широко признанной футурологами теории технологической сингулярности «увидеть» реалии «открытого общества» далее рубежа 2050 г. в принципе не предполагается адекватно возможным.

² С позиций теории эволюции авторитетного американского ученого-футуролога в контексте объективного закона ускорения важнейшим проектом во Вселенной необходимо полагать «обратное проектирование человеческого мозга». См., например: Курцвейл Р. Эволюция разума / пер. с англ. Т. П. Мосоловой. М. : Э, 2016. С. 12—13.

³ См., например: Гаджиев Г. А. Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности) : монография. М. : Норма: Инфра-М, 2013. С. 36—37.

⁴ См., в частности: Крусс В. И. Теория конституционного правопользования. М. : Норма, 2007. С. 21—46; *Он же*. Конституционализация права: основы теории : монография. М. : Норма: Инфра-М, 2016. С. 22—26, 33—43.

такая задача не стоит, поэтому ограничимся самыми краткими доводами, с учетом фокуса конкретной публикации.

Конституционное правопонимание производно от появления (контурного объективирования) в середине XX столетия исторически беспрецедентного феномена и объекта познания юриспруденции: конституционного права в широком смысле слова. Такое право качественно не сводимо к традиционному отраслевому формату, адогматично и инвариантно, а также далеко не исчерпывается феноменом права прав человека, хотя форматируется перманентно в связи и с учетом данной составляющей. На основе верховенства современного права и его всеобъемлющей внутренней формы и генерирующей матрицы — текста национальной Конституции — могут создаваться, меняться и достигать относительно устойчивых состояний *разнообразные* общественные порядки, ситуационно адаптируемые к актуальным потребностям, проблемам и вызовам времени. Из этого вытекает инвариантность *будущего* конституционного правопорядка и его сущностная достоверность: безотносительная конкретному «тождественность» самому себе. Конституционная инвариантность проецируется и на суверенную политическую составляющую, поскольку зачастую выбираемые государством и легитимируемые актами конституционной юстиции⁵ стратегии модернизации механизма признания и обеспечения основных прав, свобод и обязанностей человека и гражданина различаются именно по данному критерию. В частности, в России применительно к разным по содержанию, но объединенным признаком конституционной актуальности отдельным вопросам вполне возможны конституционно-правовые решения (ответы) как либерально-демократи-

ческого, так и консервативно-охранительного толка. На почве таких ответов должно органически произрастать *достоверно российское* конституционное будущее.

Российская конституционная футурология предполагает известную философскую составляющую, включая элементы (мотивы) иррационального, также, впрочем, восходящие к требованию *веры* в Конституцию РФ и *верности* ей⁶. Тем самым исключается любая научная мимикрия и стилизация. Философско-научная конституционная преданность выступает залогом сохранения и культивирования национальной конституционной идентичности⁷. Влекомый силами такой веры и целеполагания *реальный* российский конституционализм⁸ патриотично настроен на компетентное предчувствие (интуицию) *возможного* иного миропорядка, за фасадом вещей, ролей и языка (М. Бахтин). Равно чуждыми подобному настрою будут и беззаконная методология постмодерна, и аксиология умиротворенного потребителя, довольствующегося наставлениями «светского гуманизма».

К российскому будущему не может вести и спорадическая «философия легального неконституционного» как притязаний и актов злоупотреблений правом⁹, повсюду уже претендующая на юридическое признание и справедливо предполагающая несостоятельность любых мер, которые могут быть противопоставлены ей с позиций «нейтрального» позитивизма либо «свободного» научно-юридического догматизма. Под знаком такой «свободы» свою беспомощность — в обозначенном отношении — обнаруживают и инерция приверженности отраслевым традициям и школам, и постнеклассическая методология отвлеченного (феноменолого-коммуникативная позиция), и внешний («дизайнерский») неопозитивизм (интегративное правопонима-

⁵ См.: Крусс В. И. Конституционный нормоконтроль как аутентичное правотворчество // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 6. С. 3—8.

⁶ См.: Витрук Н. В. Верность Конституции : монография. М. : Изд-во РАП, 2008. С. 265—266.

⁷ См.: Зорькин В. Д. Право против хаоса : монография. 2-е изд., испр. и доп. М. : Норма: Инфра-М, 2018. С. 185—186, 204—207.

⁸ См.: Бондарь Н. С. Судебный конституционализм: доктрина и практика : монография. 2-е изд., перераб. М. : Норма: Инфра-М, 2016. С. 150—153.

⁹ См.: Крусс В. И. Злоупотребление правом : учебное пособие. М. : Норма: Инфра-М, 2017. С. 164—165.

ние). Между тем как имплицитная реальность конституционного текста (должного в настоящем и будущем) предполагает и выражает интуитивную народную веру в добро и справедливость (преамбула Конституции РФ) и эксплицированную социально-политическую устремленность к соответствующему укладу жизни.

Завершая вводную (общую) часть, подчеркнем еще одно свойство и признак конституционной футурологии: ее практико-ориентующий характер. Одной только веры в обозначенном выше отношении недостаточно — нужны и конкретные дела. Юридический концепт не объективен, но объективируется. В профессиональном (компетентностном) смысле это отсылает едва ли не к древнеримскому восприятию юриспруденции: к науке как искусству. Конституционное правопонимание раскрывается в сугубо практико-ориентированных суждениях, в актуальном анализе правопользования и (или) правоприменения, в последовательно-перманентном восхождении от конституционного к конкретному и наоборот — от конкретного к конституционному. Конституционное «будущее» можно и необходимо мыслить как детерминированное традицией продолжение и развитие конституционного настоящего, как реальность, претерпевающую конституционную модернизацию или — в идеальном варианте — кропотливую (рачительную) конституционализацию, единственным легитимным субъектом которой является Конституционный Суд РФ.

Теперь, отталкиваясь от общей характеристики концепта конституционной футурологии, попытаемся открыть заявленный (прикрепленный к тематике) «файл» и взглядеться пристальнее пока в одну, но едва ли не знаковую метку актуального будущего: имя ей — криптовалюта.

В ориентирующей на экономическое «просвещение» юридической литературе предложено понимать под криптовалютами

(биткойны, Эфириум, Ripple и пр.; всего около тысячи видов) цифровые валюты, которые созданы на базе технологии блокчейна (от англ. blockchain — блоковая цепь), не эмитируются центральными банками государств, не прикреплены к официальным валютам, добровольно принимаются участниками рынка в качестве средства платежа (обмена), передаются и сохраняются в электронном виде¹⁰.

Очевидно, что юридическую природу (сущность) соответствующих феноменов приведенное определение не раскрывает. Более того, хотя перечисление эмпирических признаков отчасти актуально и для целей нормативно-правового регулирования, многие из них (и их производных) уже поставлены под сомнение. Например, по мнению специалистов, фактически опровергнут довод об исключительной защищенности криптовалют как электронных записей, которые нельзя анонимно использовать в коррупционных схемах или тайно присвоить; тогда как «природа и цель создания криптовалют до сих пор окутана тайной»¹¹.

Для ученых-экономистов наиболее «компрометирующим» свойством криптовалют оказалась их непредсказуемая волатильность: отсутствие эмпирических доказательств того, за счет каких фундаментальных показателей они могут укрепляться или, наоборот, терять в стоимости¹². Обстоятельство, конечно, немаловажное и «тревожное», однако также не могущее претендовать на значение решающего аргумента и довода в конституционно-правовом обосновании.

Конституционный мегарегулятор финансовой сферы — Банк России, подтверждая свою позицию относительно частных криптовалют (виртуальных валют) и подходов к их регулированию, обобщил названные признаки уже как критические факторы: 1) анонимный статус неограниченного круга эмитентов, способствующий противоправным деяниям, включая лега-

¹⁰ См., в частности: Беломытцева О. С. О понятии криптовалюты. Биткоин в рамках мнений финансовых регуляторов и контексте частных и электронных денег // Проблемы учета и финансов. 2014. № 2 (14). С. 26.

¹¹ См.: Бычков В. В., Вехов В. Б. Специальные знания, обеспечивающие расследование преступлений, связанных с оборотом криптовалюты // Российский следователь. 2018. № 2. С. 8—11.

¹² См.: Блинова О. Монеты вместо акций // Компания. 2017. № 4. С. 41.

лизацию (отмывание) доходов, полученных преступным путем, и финансирование терроризма; 2) крайне высокая волатильность, непредсказуемость обменного курса, создающая повышенные риски использования и инвестирования¹³.

Приведенная позиция Центробанка РФ сходна с его ранними высказываниями¹⁴ и воспроизводит широко обсуждаемые признаки. Тем не менее отметим, во-первых, различие частных и публичных криптовалют, что принципиально значимо и далее будет учитываться в той же степени, в какой концепт конституционного правопользования безоговорочно актуален для частной собственности и факультативно — для публичной и иных форм собственности. Частные (приватные) криптовалюты, с одной стороны, и виртуальные цифровые аналоги (реплики) платежных средств, обеспеченные по традиционной модели и выпускаемые от имени государства в электронной форме, с другой стороны, имеют очень мало общего. Во-вторых, обобщенные кризисные факторы характеризуют сферы и практики, соотносимые в юриспруденции с публичным и частным правом, а это значит, что даже проявления (аффекты, следствия наличия и функционирования) частных криптовалют равно актуальны для права в целом, и связанный с ними «предмет» правового регулирования — если мы попытаемся таковой локализовать — может быть определен исключительно общеправовым образом, прямо предполагающим существенно однородное, т.е. конституционно-правовое воздействие.

Криптовалюты предопределены к конституционно-правовому опосредованию (воздей-

ствию и регулированию), поэтому заведомо ошибочной будет любая аналитическая позиция, пытающаяся утвердить по отношению к ним приоритет публично-правового или частнопровового подходов. Именно такой односторонностью чаще всего и отмечены высказывания ученых-юристов, ищущих решения необычных проблем с позиций традиционных или — не менее уже насыщенных догматическими пристрастиями — «комплексных» отраслей права и законодательства.

Тенденциозно-догматическим, в частности, видится мнение, что политика и законопроекты Банка России направлены «скорее на исключение криптовалюты из обращения, а не на создание рычагов нормативного регулирования», поскольку игнорируют проблему «встречных угроз» непризнания или попыток запрещения криптовалюты¹⁵. Либерально-экономические пристрастия ставят на первый план угрозу (в очередной раз!) «опоздать» в проведении законодательной модернизации и дать неоправданные преимущества продвинутому иностранному трейдерам перед российскими конкурентами. Подобные доводы (хотя бы и с отсылками к иностранному опыту¹⁶) не могут считаться корректными, поскольку речь идет о не имеющей аналогов и «мгновенной» (по историческому времени) глобальной инновации, не позволяющей убедительно говорить о каком-либо удачном либо неудачном опыте ее легализации.

Любая законодательная легализация правовых режимов частных криптовалют потребует масштабной модернизации всей правовой

¹³ См.: информация Банка России от 4 сентября 2017 г. «Об использовании частных «виртуальных валют» (криптовалют)» // Вестник Банка России. 2017. № 80.

¹⁴ В заявлении Банка России от 27.01.2014 «Об использовании при совершении сделок “виртуальных валют”, в частности, Биткойн» (Вестник Банка России. 2014. № 11), продублированном в информационном сообщении на официальном сайте Росфинмониторинга (<http://fedsfm.ru/>) и в письме ФНС России от 03.10.2016 № ОА-18-17/1027 (СПС «КонсультантПлюс»), были конкретизированы риски финансирования наркотрафиков, электронных махинаций, дискредитации легальной банковской и деградации налоговой системы.

¹⁵ См.: Куракин А. В., Карпухин Д. В., Шилина А. Р. Проблемы правового регулирования использования криптовалюты в Российской Федерации // Современное право. 2018. № 1. С. 92—97.

¹⁶ См.: Лемеш К. И. О рисках отсутствия законодательного регулирования оборота криптовалют в России // Проблемы современной экономики (Новосибирск). 2015. № 23. С. 54—59.

системы на основе доктринального решения вопроса о природе («самой сути») этих юридических феноменов и конституционной легитимации стратегических следствий принятых ответов. Позитивистские вариации в данном отношении малопродуктивны. Замечают, например, что в зависимости от того, будут ли определены «криптознаки» как «деньги» или же как «платежные документы», изменения придется вносить в различные федеральные законы¹⁷. Разве в этом дело? С позиций конституционного правопонимания в любом случае необходимо исходить из принципа конституционной согласованности отраслевых норм, затрагивающих права и свободы человека и гражданина. Трудно признать «откровением» и предлагаемые основные принципы применения криптознаков: «открытость участников транзакций, определение цели деловых отношений, недопустимость нелегального майнинга, эффективная защита информации от хакерских атак»¹⁸. Безотносительно качества редакции предложенных формулировок производность заключенных в них идей от конституционного текста очевидна. Отметим, однако, убежденность, с которой при этом объявляется, что суть криптовалют заключается «в отсутствии третьих лиц при совершении транзакций» и, как таковая, она «должна остаться неизменной»¹⁹. С этим как раз можно и нужно спорить.

Дежурные констатации того, что сущность криптовалют в российском законодательстве не определена²⁰, должны быть скорректированы в части самой возможности законодателя решить эту задачу. Привлекательный уход от посредничества (банковского в первую очередь) в финансовых сделках и операциях — только видимая часть айсберга, спаянного иррациональной метафизикой «финансового анархо-синдикализма». Противостоит эта глобальная инновация — в первую очередь — не коммерческому посредничеству (какое, надо думать, и здесь

в накладе не останется), а *публично-властному присутствию* в качестве ответственно доминирующего «третьего лица» и философии конституционной солидарной вовлеченности в публично значимые социально-экономические взаимодействия (коммуникации) добросовестных собственников. Желаясь любым путем избавиться от финансовых посредников можно напомнить о ресурсах частного займа или даже бартерном суррогате товарообмена. Когда же вводят инструмент (институт), предельно «удаленный» от реальной экономической жизни и политической целостности (государства и гражданского общества), тогда претендуют на нечто большее, чем рентабельность спекулятивного бизнеса.

С конституционно-правовой точки зрения фундаментальный «вызов» криптовалют направлен против самих основ права и правопорядка. Криптовалюта — как и право — нуждается в спекулятивной объективации; однако в отличие от права, открыто признающего свою вторичность и функционально-служебный характер «юридического концепта действительности», они утверждают свою реальность и практическую состоятельность означенного стоимостного эквивалента, ничего в реальности не обозначая. Якобы зашифрованная в coin (с англ. — монета) информация, которую невозможно подделать, в смысловой реальности ничему не коррелирует, а криптографический эффект финансового знака актуален сугубо в плане его привязки к определенному «владельцу». Уже это отсылающее к философии «постправды» обстоятельство позволяет определить инновационную метку альтернативно-грядущей финансовой системы как виртуальный продукт критически неконституционных (неправовых) технологических и криптологических извращений. Номинированная в категории стоимости, циркулирующая в Сети информация здесь ни о чем не информирует, кроме собственной, манифестированной

¹⁷ См.: Куракин А. В., Карпучин Д. В., Шилина А. Р. Указ. соч. С. 96.

¹⁸ См.: Куракин А. В., Карпучин Д. В., Шилина А. Р. Указ. соч. С. 96.

¹⁹ См.: Куракин А. В., Карпучин Д. В., Шилина А. Р. Указ. соч. С. 96

²⁰ См.: письмо Минфина России от 02.10.2017 № 03-11-11/63996 «О регулировании выпуска и оборота криптовалют» // СПС «КонсультантПлюс».

(оцененной) значимости, и претендует, одновременно, на статус всеобщего ценностного эквивалента. Не осознавать «негативную метафизику» криптовалютного майнинга, не чувствовать исходящей от него смертельной угрозы основам социально-экономической целостности национальных систем и миропорядка можно только оставаясь в логике амбициозно-безграничных притязаний бездуховной, технократической инженерии. Исторически неизбежное служение определенной части человечества «золотому тельцу» в инновации криптовалюты находит законченную форму суеверного отношения к симулякру и ценности, чуждым любым коннотациям нравственности и очевидно контррелигиозным по своему характеру²¹.

Криптовалюты являются порождением («сном») разума либерально-космополитического, мощно резонируя и, казалось бы, начинающему выдыхаться проекту глобализации, и индивидуальным чаяниям каждого «продвинутого», постэкономического потребителя, независимо от его гражданства и — преимущественно ограниченной сегодня — статусной привязки к национальной правовой системе. Вместе с тем, на что справедливо обращают внимание аналитики, «пришествие» криптовалют для России может иметь гораздо более тяжелые последствия, чем для стран, экономически развитых²². В первой ситуации — будучи адекватно комплементарными только «спекулятивной экономике» — криптовалюты конкурируют с экономикой реальной и множат ее кризисные эффекты, в России же они могут оказаться решающей преградой стратегии экономической модернизации и роста, замыкая на себя и энергетически выхолащивая социальные ресурсы, извращая философию и дух предпринимательской активности.

Справедливости ради можно констатировать, что на уровне общественного сознания,

даже подогреваемая «спуртом» биржевых котировок, инициация тотального вовлечения в криптовалютный проект получила в России преимущественно критическую оценку: здравомыслящая часть народонаселения обнаружила внутреннюю готовность к публично-властному вмешательству в происходящее. Необходимость правового ограничения и регулирования практик обращения и манипулирования виртуальными «денежными суррогатами» утверждалась на уровне конституционной интуиции и подкреплялась печальной памяти опытом строительства «финансовых пирамид» в «лихие 90-е». Наряду с этим, достигнутый уровень общественного правосознания подсказывал практическую бесперспективность и заведомую неконституционность безоговорочных запретов (криминализации или пенализации) в этой сфере. К «дерзновениям и чаяниям» адептов виртуального стяжательства можно относиться по-разному, но запретить им так думать и пытаться обогащаться, опираясь на «креативные» способности, имущественные и коммуникационные ресурсы, конституционный правопорядок не может. Задача, таким образом, должна сводиться к разработке и настройке механизма конституционно-правового опосредования беспрецедентной версии информационно-экономической свободы и самореализации диджитал-личности в цифровую эпоху.

Первое направление соответствующей конституционной модернизации имеет выраженный публично-правовой характер и обусловлено прежде всего приоритетами национальной безопасности (в широком смысле). Любопытно, что в литературе часто не находят нужным подробно обосновывать достоверность таких угроз, что в целом справедливо. Не менее важным с позиций конституционной компаративистики видится и согласие большинства развитых государств в отношении названного фактора,

²¹ Не случайно именно РПЦ заявила о чужеродной, обезличенной (бесчеловечной) пустоте, проступающей в означенной криптовалютами финансовой символике, знаменующей очередной виток создания «мыльного пузыря», за которым реально ничего не стоит. См.: <https://ria.ru/religion/20171230/1512015016.html> (дата обращения: 20.05.2018).

²² См.: *Кравченко Л. И.* Криптовалюты: от отрицания до насаждения // URL: <http://rusrand.ru/analytics/kriptovalyuty-ot-otricaniya-do-nasajdeniya> (дата обращения: 23.10.2017).

хотя бы и утверждались они в своем признании разнонаправленно. Так, в Китае, в свете концепции Закона о кибербезопасности 2017 г., *любая* цифровая информация, угрожающая социальной или политической стабильности в стране, признается создающей угрозу национальной безопасности²³. В Республике Корея служба финансового надзора (FSS) запретила в 2017 г. проведение ICO и торговлю криптовалютами, хотя вскоре — исходя из директив «большой двадцатки» (G20) — был анонсирован переход к регулированию, сочетающему лицензирование и адаптированное налогообложение²⁴. В Японии же, напротив, криптовалюты сначала (с 2017 г.) получили искомое либеральное признание (уравнивание) в статусе «фиатных денег», и тут же восторги «крипто-энтузиастов» поубавило японское агентство финансовой безопасности (FSA), объявив о прямом запрете на криптовалюты, которые обеспечивают анонимность конечных пользователей²⁵.

Комплементарную интенцию легализации связанных с криптовалютами практик задает диверсифицированный потенциал технологии блокчейна, актуальной для широкого круга конституционно значимых задач в публичной и частной сферах. Алгоритм хранения распределенной базы данных, упорядоченных записей (информационных блоков) в формате системно несвязанных устройств, дает неизвестные ранее возможности защищенной коммуникации и гарантии предупреждения и пресечения угроз нелегального и/или неосновательного использо-

вания («присвоения») информации, выходящей за рамки денежной стоимости. Блокчейн позволяет защищать не только частные коммерческие сделки и транзакции, обеспечивая банкам и финансовым корпорациям новые прибыли, но и национальные интересы (экономические, политические, военные), причем государство уже вполне осознало значение этого ресурса²⁶. Специалисты указывают, например, на защиту, которую блокчейн может дать коммерческим компаниям и проектам, подпадающим под политико-экономические санкции, но не желающим разрывать связи с российской экономикой. Широко обсуждаются перспективы правовой имплементации этой технологии в практики электронного голосования, страхования, кадастра, регулирования патентных и авторских отношений, хранения дактилоскопической и медицинской информации, ведения реестров и работы депозитариев, противодействия незаконной миграции и др.

Наряду с приоритетами безопасности, в пользу публично-правового регулирования криптовалют говорит и несостоятельность гипотезы «нулевой стоимости» их производства как рекламного манка и фейка информационной эпохи. В действительности энергетические (сырьевые) издержки майнинга на «фермах» и «приисках» виртуальных старателей оказались весьма значительными. Соответственно, вполне оправданными для целей правового опосредования виртуального промысла становятся — по аналогии либо после юридико-технической

²³ См.: URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3174626 (дата обращения: 09.06.2017).

Криптовалюта, как будет показано далее, есть в конечном счете не что иное, как особая, эквивалентно-стоимостная информация.

²⁴ См.: URL: <http://www.innov.ru/news/economy/yuzhnaya-koreya-oslabit-r/> (дата обращения: 09.06.2018).

²⁵ Запрет этот нацелен на устранение из сетевой финансовой системы «плохих акторов», намеренных вести преступную деятельность под завесой анонимности. Специалисты указывают на связь такого решения с «кражей» хакерами на японской криптовалютной бирже CoinCheck токенов на сумму около полумиллиарда долларов и настаивают на ошибочности выбранной стратегии реагирования. Правильно, считают они, поддерживать создание «безопасных платформ, которые защищают пользователей с сильной криптографией». На чем базируется уверенность в «окончательном» доминировании технологии безопасности, остается неясным. См.: URL <https://www.coindesk.com/japan-wake-call-get-ready-defend-privacy-coins/> (дата обращения: 09.06.2018).

²⁶ Центробанк России не исключает создание и выпуск национальной криптовалюты, для чего, однако, потребуются скорректировать конституционные положения.

доработки — известные и апробированные институциональные ресурсы и подходы (нормативные модели, режимы), отображающие правоохранные конституционные ограничения и регулирование в предпринимательской и финансовой сферах. Реальная экономическая подоплека криптобизнеса предполагает, в частности, предупреждение корыстных намерений и пресечение (включая уголовно-правовые формы) нелегального присвоения и использования энергетических ресурсов, фискально-налоговое администрирование, многопрофильный контроль и надзор за соблюдением требований безопасности (включая экологический вектор) при осуществлении виртуальной хозяйственной деятельности на материальной технической основе, а равно другие элементы (опции) механизма правового регулирования, вполне переводимые на язык опосредования конституционного правопользования. Так, доктринальные обоснования солидарной природы фискально-экономических обязанностей соотносятся с апробированной в США и не нуждающейся в строгом экономическом обосновании (по аналогии с НДС) идеей административного списания справедливого процента с «кошелька» криптовалюты²⁷. Вполне конституционным видится и функциональное ограничение (изъятие) возможности использования криптовалют для выплат заработной платы и социальных пособий²⁸.

Касаемо налогообложения криптовалют следует в целом внимательнее приглядеться к опыту зарубежных стран. В США, например, с 2018 г. инвесторы должны платить налог не только при обмене криптовалюты, но даже за владение такими деньгами²⁹. Министерство экономики и финансов Франции заявило о необходимости налогообложения доходов от операций с цифровой валютой даже до момента их признания государством³⁰. Подобного рода косвенная —

исключительно для целей налогообложения, т.е. для защиты публичных интересов, — легализация криптовалют как незапрещенного финансового инструмента представляется вполне конституционной.

Конституционная модернизация национальной правовой системы в связи с экспансией криптовалют предполагает и элементы частноправового характера. Конституционное правовое государство не может отказаться от обязанности защищать и правосудно обеспечивать неотчуждаемые экономические (имущественные) права и законные интересы своих граждан (а также неграждан, находящихся с ним в достоверной конституционно-правовой связи), даже если такие угрозы и вред исходят от контрагентов, оперирующих ничем, по сути, не подкрепленными виртуальными финансовыми символами, иными финансовыми инструментами, номинированными или связанными с криптовалютами, их производными или агрегаторами (депозитариями).

Отрицание или умаление конституционных прав каждого на судебную защиту и компенсацию противоправного ущерба (ч. 1 ст. 46, ст. 52 Конституции РФ) недопустимо и в крипто-футурологическом измерении. В этой связи также потребуются частью законодательно сконструировать и имплементировать в правовую систему адекватные конструкции и институты, частью можно будет опираться на наличный инструментарий материального и процессуального права и ресурсы институтов аналогии. Так, поскольку принцип свободы договора не абсолютен, но повсеместно ограничен и имеет конституционно-правовое содержание, поскольку также сама технология блокчейна анонсируется как обеспечивающая безоговорочную прозрачность финансовых транзакций, сопутствующую субъектную идентификацию и персонализацию капиталов (фондов и имущества), — постольку

²⁷ См.: Акиев В. В., Никулин И. Г. Вопросы правового регулирования и налогообложения криптовалютных систем // Наука XXI века: актуальные направления развития. 2017. № 1-1. С. 254—256.

²⁸ См.: Куракин А. В., Карпунин Д. В., Шилина А. Р. Указ. соч. С. 96.

²⁹ См.: Куракин А. В., Карпунин Д. В., Шилина А. Р. Указ. соч. С. 96.

³⁰ См.: Бабина К. И., Тарасенко Г. В. Проблемы правового регулирования криптовалюты в российском законодательстве // Право и экономика. 2018. № 1. С. 26—29.

не может быть препятствий к тому, чтобы при подаче исков и заявлении требований правосоставительного и компенсационного характера, связанных с оборотом криптовалют, применялись обеспечительные меры или судебный залог, процессуальные правила относимости и допустимости доказательств и распределения бремени доказывания, тем более — учитывались такие, например, интерпретированные конституционные принципы, как преимущество интересов слабой стороны договора или правоотношения, а также общее требование недопустимости злоупотребления правом.

Применительно к последнему «сквозному» конституционному принципу, призванному в футурологическом контексте стать движущим фактором общественного сознания, необходимо учитывать, что сознательная вовлеченность (участие) в юридически неупорядоченные криптооборот и/или майнинг сама по себе является формой злоупотребления правом. Соответственно, всем увлеченным и «порабощенным» соблазнами финансовой свободы нельзя рассчитывать на такие гарантии, государственную поддержку или защиту, которые предполагает достоверное конституционное правопользование, когда они столкнутся с ущемлением своих прав и интересов со стороны продвинутых контрагентов либо с материальными потерями, намного превосходящими негативные последствия разумных рисков финансовых и биржевых операций. Критическая волатильность криптовалют включает эффект конституционно-деформированной заинтересованности ирреального обогащения и не может быть последовательно рационализирована в юридических категориях, притязаниях и требованиях. По той же причине обременена девиациями злоупотреблений правом деятельность, связанная с рекламированием и продвижением на рынке криптовалютных операций и майнинга, сопутствующих услуг, в первую очередь в сети Интернет.

Не будет ли, однако, преувеличением утверждать, что криптовалютный проект является редуцированным симулякром информацион-

ного стяжательства и инновационной версией неконституционного злоупотребления правом? Полагаем, нет. Обеспечить правовой баланс в минимизации рисков и сохранении «позитивного ресурса виртуальных финансовых инноваций»³¹, не замечая подоплеку лицемерной декларации происходящего как новой формы экономической свободы и заурядной предпринимательской активности, — вряд ли получится. Реальное предпринимательство (бизнес) всегда остается «привязанным» к объективно солидарной природе соответствующего полномочия, *созидательной* хозяйственной и творческой деятельности. Тогда как в данном проекте продвинутого индивидуума завораживает перспектива *полноценной* финансовой автономии сугубо односторонней направленности и спекулятивно-индивидуалистического характера. Без такой «логистики» идея раскрывает свою иллюзорную сущность. Криптовалюта и майнинг имеют смысл как средство и технология бесконтрольного виртуального обогащения в параллельной информационной трансграничной реальности, на основе философии «игры всех против всех» *при одном определяющем условии*: возможности обратного выхода в «прозаическую» реальность, офлайн-возвращения в сферу жизненно значимых товаров и услуг и — самое главное — с обеспеченной механизмом правового регулирования легализацией и материализацией «всего добытого непосильным онлайн-трудом».

Будучи явлением неконституционным по своей природе, криптовалюта более всего «жаждут» конституционной легитимации, которую непосредственно обеспечивает возможность их курсового обмена на легитимные деньги. Конституционное государство и право не могут запретить «креативное» кибернетическое обогащение, но они обязаны подходить к нему с позиций конституционного восприятия и оценки происходящего, гораздо более требовательной, чем та, например, которая характеризовала отношение канонического права к ростовщичеству. Ни о каких безусловных конституционно-правовых гарантиях и сред-

³¹ К чему призывают многие авторы см.: Кузнецов В. А., Прохоров Р. А., Пухов А. В. О возможных сценариях законодательного регулирования цифровых валют в России // Деньги и кредит. 2017. № 7. С. 52—56.

ствах защиты в обозначенном отношении для акторов и манипуляторов захваченной сетевой средой инстинкта обогащения речи идти не может.

Криптовалюты вряд ли могут претендовать на конституционное обоснование своей генеалогии и в плане онтологической привязки к идее частной собственности. Тайна их рождения — майнинга — ретушируется потребительским спросом на обменном рынке и иррациональными ожиданиями курсового роста. Игнорировать такое своеобразие в механизме правового регулирования, тем более поощрять его, — конституционно недопустимо. Однако именно к этому, по сути, и призывают, предлагая, например, облагать налогом доход не от майнинга, а от биржевых операций. Показателен и соответствующий довод: в противном случае «кредитные организации уйдут в тень»³². Странная логика. Разве «электронная оптика» не позволяет отследить генерацию криптовалюты или на соответствующую хозяйственную деятельность следует закрыть глаза как на таковую, безотносительно к ее объемам и организационным формам, издержкам для окружающей среды и нравственности?

С конституционно-правовой точки зрения именно майнинг, оставаясь в тени финансовых операций и спекуляций криптовалютами, обуславливает множественные риски социально-экономических деформаций и в первую очередь требует институционального нормативного упорядочения, с использованием адаптированного опыта технического и IT-регулирования, включая правоохранные и правозащитные блоки. Основные параметры конституционно взвешенных норматив-

ных моделей конкретизированно-допустимого майнинга вполне очевидны. Публичная регистрация и профильное лицензирование как регулирующее ограничение правопользования, особая настройка налогового администрирования должны стать первыми элементами правового механизма.

Как отмечается в литературе, за рубежом законодатель не стремится дать четкого определения криптовалют «с позиций частного права», но последовательно совершенствует их публично-правовое *ограничивающее* регулирование³³. Среди отечественных ученых также есть понимание необходимости именно такого подхода. В этом направлении Н. В. Макаrchук обращает внимание, что в США и ЕС «виртуальные валюты определяются как *цифровое представление стоимости*, которое может быть передано, сохранено или продано в цифровой форме, быть принято физическими или юридическими лицами в качестве средства обмена, но не имеет статуса законного средства платежа, либо как *цифровое представление значения* (курсив мой. — В. К.), которое обращается в Интернете, выполняет функции денег, т.е. используется в качестве оплаты за реальные товары и услуги, однако нигде не принимается в качестве законного платежного средства»³⁴.

В приведенных определениях просматривается стремление лингвистического выражения феноменальной стилистики криптовалют, что плохо согласуется с правовым требованием формальной определенности. Не случайно анализ профильного российского законодательства³⁵ показывает, что предельным для стремления отобразить природу криптовалют оказывается их технико-технологическое описание³⁶. Исто-

³² См.: Куракин А. В., Карпухин Д. В., Шилина А. Р. Указ. соч. С. 95.

³³ Российская конституционная доктрина признает возможность такого опосредования даже для достоверных прав и свобод человека. См., например: Крусс В. И. Теория конституционного правопользования. С. 340—342.

³⁴ Макаrchук Н. В. Публично-правовые ограничения как основание для определения криптовалют // Право и экономика. 2018. № 1. С. 22—25.

³⁵ См., в частности: Федеральный закон от 7 июня 2013 г. № 112-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и Федеральный закон “Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления”» // СЗ РФ. 2013. № 23. Ст. 2870.

для из чего, Н. В. Макаrchук, например, полагает достаточным составить законодательное определение, отображающее функциональную специфику криптовалют, одновременно предлагая признать их особыми результатами интеллектуальной деятельности и объектами гражданских прав³⁷. Юридический позитивизм допускает и такие логические связки, однако стратегия конституционного конструирования не может основываться на предложенном уровне анализа.

Единственным вариантом последовательной онтологической юридизации криптовалют с позиций конституционного правопонимания было бы признание их специфическими продуктами (результатами) пользования интеллектуальной (творческой) свободой, виртуальными формами интеллектуальной собственности. Однако и такому переходу, на что справедливо обращает внимание та же Н. В. Макаrchук, мешает суть (точнее — дизайн) майнинга: криптовалюты возникают в результате того, что компьютеры, находящиеся в разных точках Земли, решают математические задачи. «Криптовалюта — это созданный компьютерной системой хеш-математический код, удовлетворяющий всем требованиям системы... Биткоины начисляются системой как вознаграждение за расчет на ПК информационных блоков», — поясняют IT-специалисты³⁸.

В несколько иной трактовке акцент делается на информационной характеристике криптовалют, что, в принципе, не меняет дела. Опять-таки сугубо позитивистское восприятие инновационных феноменов как разновидностей компьютерной информации (электронных записей), т.е. сведений (сообщений, данных), представленных в форме электрических сигналов (уместна отсылка к примечанию 1 к ст. 272 УК РФ), позво-

ляет признать организаторов соответствующих информационных систем свободными от каких бы то ни было обязательств, кроме обеспечения их функционирования³⁹. Невозможно юридически закрепить и *обязательства технологии* блокчейн, позволяющей хранить виртуальные записи на основе зашифрованной логической цепи блоков данных, распределенных по компьютерам пользователей системы (торрент-трекеры) и создающих тем самым децентрализованный реестр пользователей и операций⁴⁰.

Обе приведенные информационно-технологические версии «отстраненно» не касаются конституционной характеристики природы криптовалют и майнинга, но проясняют весьма важные для искомого понимания обстоятельства. Подлинным создателем (актором) и «функционально-производительной силой» для криптовалют является глобальная технологическая система, а так называемый владелец криптовалюты определенного вида есть только грамотно подсоединившийся, «встроившийся» в систему «продвинутый» интернет-пользователь. В контексте такой подстройки, предполагающей наличие и использование технических ресурсов (оборудование) и электроэнергии, увеличивается общая «виртуальная масса» криптовалюты, технологически расписанной по ее владельцам. Попытки же проследить привычный для гражданского права эквивалентно-стоимостный обмен и найти разработчика системы, которого можно было бы удостоить титулом общего собственника *всей* криптовалюты и одновременно совладельца ее *расписанных пакетов*, придется оставить «по эту сторону» крипто-логического занавеса неведения.

Криптовалюта не вписывается ни в традицию частного права, ни в отраслевую теорию

³⁶ См.: *Виноградов П. А.* Понятие виртуального объекта и оборотоспособность виртуальных объектов в системе современного отечественного законодательства на примере интернет-сайта // Молодой ученый. 2017. № 15. С. 229—234. URL: <https://moluch.ru/archive/149/42123/> (дата обращения: 13.12.2017).

³⁷ См.: *Макаrchук Н. В.* Указ. соч.

³⁸ См. также: URL: <http://ardma.ru/finansy/lichnye-finansy/436-chto-takoe-bitkoin-prostymi-slovami-prosto-okriptovalyute-bitcoin>, URL: <https://tjournal.ru/49148-bitcoin-mining>.

³⁹ См.: *Бычков В. В., Вехов В. Б.* Указ. соч. С. 8—11.

⁴⁰ См.: *Евтушенко А., Поляков Е.* По цепочке до России: что такое блокчейн и почему эта технология вскоре изменит мир? // URL: <https://www.gazeta.ru/tech/2016/02/01>.

информационного права. В соответствии с п. 3 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁴¹ (далее — Закон об информации) информационная система — это совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств. Специалисты полагают, что это определение распространяется и на «криптовалютные платежные системы»⁴². Мнение спорное, но гораздо важнее то обстоятельство, что «владелец» криптовалюты не может отождествляться с обладателем соответствующей информации по смыслу определения п. 5 ст. 2 Закона об информации, поскольку речь идет об информации, значение (смысл) которой исчерпывается ее подразумеваемой «эквивалентной стоимостью».

Как указал Конституционный Суд РФ, информация, будучи специфическим нематериальным объектом, может быть не только объектом правоотношений, связанных с ее поиском, получением, передачей, производством и распространением, но и объектом правоотношений сугубо информационных — *как таковая*⁴³. Однако применительно к криптовалюте даже информация о ее владельце или курсовой стоимости не есть собственно «криптовалютная информация» — как предельно абстрактная и бессодержательная. Соответственно, беспредметной оказывается характеристика обладателя информации как лица, самостоятельно создавшего информацию либо получившего на основании закона или договора право разрешать или ограничивать доступ к информации.

Более того, доктринальные, нормативно значимые суждения Конституционного Суда РФ ставят под сомнение принципиальную возможность и целесообразность использования Зако-

на об информации в целом для регулирования криптовалют как «бессодержательной (не формирующей) информации». В частности, Суд указывает, что цель, которую преследовал законодатель, вводя понятие «обладатель информации», заключается в описании — по аналогии с гражданско-правовыми категориями «собственник», «титульный владелец» — правового статуса лица, правомочного в отношении *конкретной информации* решать вопрос о ее получении другими лицами и о способах ее использования как им самим, так и другими лицами. Вопрос о том, становится ли конкретное лицо обладателем *определенной* информации, т.е. приобретает ли оно применительно *к ней* статусные права и обязанности, должен решаться исходя из существа правоотношений, связанных с ее получением, передачей, производством и распространением. При этом само по себе наличие у конкретного лица *доступа* к информации не означает, что данное лицо становится ее обладателем (курсив мой. — В. К.). Названные здесь понятия «получение», «использование» и «распространение» для криптовалют неактуальны, а понятия «получение», «производство» и «доступ» если и могут проецироваться на них, то, очевидно, в совершенно особом значении.

Крайне мало обещают в плане прояснения природы криптовалют и существующие законопроекты. Так, законопроект Банка России от 25.01.2018 предлагает родовое определение для двух видов цифровых финансовых активов (ЦФА) — криптовалют и токенов, характеризуя их (ст. 2) как имущество в электронной форме, созданное с использованием шифровальных (криптографических) средств⁴⁴. Шифровальные средства, как подсказывает обывательская логика, должны «производить» зашифрованную информацию, точнее — обрабатывать некую информацию специальным образом, делая ее

⁴¹ СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.

⁴² См.: Бычков В. В., Вехов В. П. Указ. соч.

⁴³ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 26 октября 2017 г. № 25-П по делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в связи с жалобой гражданина А. И. Сушкова // СЗ РФ. 2017. № 45. Ст. 6735.

⁴⁴ См.: проект Федерального закона «О цифровых финансовых активах» // URL: http://www.cbr.ru/analytics/standart_acts/others/20180125_01.pdf.

недоступной для нежелательных (непосвященных в шифр) пользователей. Потребительская стоимость информации может зависеть (возрастать) от акта шифрования, но прежде она должна существовать как таковая. В версии токенов это условие хотя бы отчасти присутствует как некое «схематичное», но содержательное публичное информирование об инновационном коммерческом проекте, перекликающееся со смыслами понятий оферты, размещения акций и фьючерсов. Криптовалюта же остается «информированием ни о чем», предельно амбициозной абстракцией или фейком; всё, чем она примечательна, — возможность фиксирования в распределенном цифровом реестре транзакций, исключая «подчистки» и «разночтения».

Юридическую достоверность криптовалюты, согласно названному законопроекту, придает особый акт — «валидация», не имеющий какого-либо экономического содержания. Криптовалюты легализуются, когда уполномоченное юридическое или физическое лицо (валидатор) подтверждает в установленном порядке «действительность цифровых записей в реестре цифровых транзакций». Как акт правоустановительного характера такое подтверждение предполагает публично-властную (в том числе делегированную) компетенцию. Однако онтологически правовой статус валидатора крайне сомнителен. Происходящее напоминает ритуал (инициацию или даже мистерию), который в корне меняет юридическое значение цифрового актива, возникшего, в версии майнинга, «из ничего». Попытка прояснить сущность майнинга пресекается в законопроекте самым кардинальным образом: майнинг — это «предпринимательская деятельность, направленная на создание криптовалюты и/или валидацию с целью получения вознаграждения в виде криптовалюты». Логический круг замкнулся, как в бородатом анекдоте про деньги из тумбочки. Нормативную характеристику (ландшафт) несколько оживляют такие практически значимые детали, как определения специального оператора обмена ЦФА, смарт-контракта и цифрового кошелька, но это именно и только детали, ничего к разгад-

ке тайны цифровой валюты не прибавляющие. Единственное, что подтверждает законопроект с очевидностью, это назревшая необходимость получения юристами базового технического (IT) образования, о чем говорил, выступая в мае 2018 г. на VIII Санкт-Петербургском международном юридическом форуме, Председатель Правительства РФ Д. Медведев (его планируется начать предоставлять уже с 2019 г.).

Хотелось бы, чтобы футурологическая составляющая юридического образования прикреплалась к базису конституционного правосопонимания. С позиций последнего криптовалюты нельзя признать интеллектуальными правами, иными формами интеллектуальной собственности или их имущественным эквивалентом (деньгами), поскольку они не обнаруживают юридически необходимой достоверной связи с результатами созидательной деятельности конкретного человека или группы лиц; наряду с этим они не являются и содержательно значимой информацией. Будучи «чистым» (пустым) символом спекулятивных коммуникаций, криптовалюты только присваивают себе стоимостные значения, которые содержатся в легальных платежных средствах, обеспеченных материальными ресурсами и гарантированных к обращению. Криптовалютная система настроена на одностороннюю связь с реальными платежно-финансовыми системами: национальными и международной, и только имитирует обычный — взаимообразный — характер своей расположенности по отношению к ним, та же угроза радикальной финансовой альтернативности, способной поколебать основания конституционного правопорядка. Соответственно этому легально упорядоченные майнинг и «сделки» с криптовалютами никогда не должны подкрепляться и обеспечиваться государственно-правовыми ресурсами до степени их легитимности.

Как отмечено в литературе, феномен криптовалют основывается, в конечном счете, *на вере* граждан «в надежность компьютерной системы и предлагаемую блокчейном систему подсчета», а также — главное — в невозможность ее взлома⁴⁵. Об иллюзорности и фиктивности таких пред-

⁴⁵ См.: Макачук Н. В. Указ. соч.

ставлений уже говорилось. Более честно, однако, признавать, что речь идет о «вере» в перспективу невероятного и *безответственного* обогащения. В правовом государстве нельзя запретить верить даже в такую возможность, как и в ценность «буквенно-математической формулы». Одновременно, исходя из системной целостности неотчуждаемых прав, свобод и обязанностей и ценностей общего блага, следует разрабатывать и вводить конституционно-правовое регулирование майнинга и оборота криптовалют. Такая модернизация неизбежно затронет и ГК РФ, и акты широкого спектра отраслей действующего федерального законодательства. Начинать же ее следует с конституционно-финансового просвещения и публичного обоснования того, почему в подобном авантюрно-рисковом предприятии никто не может гарантированно рассчитывать

на прибыль и даже на сохранение добровольно вложенных, на основе криптодоверия, денежных средств, как и на полноценную юридическую защиту своих не запрещенных субъективных притязаний и интересов. Соответствующие — научно обоснованные — разъяснение и напоминание должны стать неотъемлемым информационным фоном и «приложением» к любым легальным операциям и практикам, связанным с криптовалютами. К сожалению, российская юридическая наука, по-видимому, далека от консолидированного согласия в данном отношении. Во всяком случае, те немногие попытки, когда исследователи проблемы пытаются поверять свои выводы отсылками к Конституции РФ, выглядят скорее удручающе. Анализ таких публикаций и суждений предполагает отдельное развернутое изложение.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Акиев В. В., Никулин И. Г. Вопросы правового регулирования и налогообложения криптовалютных систем // Наука XXI века: актуальные направления развития. — 2017. — № 1—1. — С. 254—256.
2. Бабина К. И., Тарасенко Г. В. Проблемы правового регулирования криптовалюты в российском законодательстве // Право и экономика. — 2018. — № 1. — С. 26—29.
3. Беломытцева О. С. О понятии криптовалюты. Биткоин в рамках мнений финансовых регуляторов и контексте частных и электронных денег // Проблемы учета и финансов. — 2014. — № 2 (14). — С. 26.
4. Блинова О. Монеты вместо акций // Компания. — 2017. — № 4. — С. 41—42.
5. Бондарь Н. С. Судебный конституционализм: доктрина и практика : монография. — 2-е изд., перераб. — М. : Норма: Инфра-М, 2016. — 528 с.
6. Бычков В. В., Вехов В. Б. Специальные знания, обеспечивающие расследование преступлений, связанных с оборотом криптовалюты // Российский следователь. — 2018. — № 2. — С. 8—11.
7. Виноградов П. А. Понятие виртуального объекта и оборотоспособность виртуальных объектов в системе современного отечественного законодательства на примере интернет-сайта // Молодой ученый. — 2017. — № 15. — С. 229—234.
8. Витрук Н. В. Верность Конституции : монография. — М. : Изд-во РАП, 2008. — 272 с.
9. Гаджиев Г. А. Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности) : монография. — М. : Норма: Инфра-М, 2013. — 320 с.
10. Евтушенко А., Поляков Е. По цепочке до России: что такое блокчейн и почему эта технология вскоре изменит мир? // URL: <https://www.gazeta.ru/tech/2016/02/01>.
11. Зорькин В. Д. Право против хаоса : монография. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Норма: Инфра-М, 2018. — 368 с.
12. Кравченко Л. И. Криптовалюты: от отрицания до насаждения // URL: <http://rusrand.ru/analytics/kriptovalyuty-ot-otricaniya-do-nasajdeniya> (дата обращения 23.10.2017).
13. Крусс В. И. Конституционализация права: основы теории : монография. — М. : Норма: Инфра-М, 2017. — 240 с.
14. Крусс В. И. Злоупотребление правом : учебное пособие. — М. : Норма: Инфра-М, 2017. — 176 с.

15. Крусс В. И. Конституционный нормоконтроль как аутентичное правотворчество // Конституционное и муниципальное право. — 2012. — № 6. — С. 3—8.
16. Крусс В. И. Теория конституционного правопользования. — М. : Норма, 2007. — 752 с.
17. Кузнецов В. А., Прохоров Р. А., Пухов А. В. О возможных сценариях законодательного регулирования цифровых валют в России // Деньги и кредит. — 2017. — № 7. — С. 52—56.
18. Куракин А. В., Карпухин Д. В., Шилина А. Р. Проблемы правового регулирования использования криптовалюты в Российской Федерации // Современное право. — 2018. — № 1. — С. 92—97.
19. Курцвейл Р. Эволюция разума / пер. с англ. Т. П. Мосоловой. — М. : Э, 2016. — 448 с.
20. Лемеш К. И. О рисках отсутствия законодательного регулирования оборота криптовалют в России // Проблемы современной экономики (Новосибирск). — 2015. — № 23. — С. 54—59.
21. Макаrchук Н. В. Публично-правовые ограничения как основание для определения криптовалют // Право и экономика. — 2018. — № 1. — С. 22—25.

Материал поступил в редакцию 21 июня 2018 г.

CONSTITUTIONAL FUTUROLOGY AND THE SCIENCE OF LAW. "CRYPTOCURRENCY" FILE

KRUSS Vladimir Ivanovich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of Law of the Tver State University
t-prava@yandex.ru
170100, Russia, Tver, ul. Zhelyabova, d. 33

Abstract. *The fascinating acceleration of social dynamics leads to a critical perception of the traditional methodology of law, which predominantly goes back to the dogma of legal positivism. Modern science of law is intended to assess current trends leading to a qualitative transformation of social systems in the near and distant future, and to propose leading models of their regulatory framework. The concept of constitutional futurology, which takes into account the need to maintain adherence to the principle of the rule of law, even in a situation of growing critical threats and challenges posed by technological and social innovations, is associated with the solution of such tasks. Constitutional futurology can be understood as the current edition of the academic policy of law. At the same time, unlike the latter, it avoids competing dogma and consistently adheres to constitutional legal thinking. On this basis, it becomes possible to consolidate and synchronize sectoral legal studies of the "sleeping factors" of the postmodern era and the digital economy. The phenomenon of cryptocurrency and blockchain technology is taken into focus.*

Keywords: *leading methodology of law, constitutional futurology, constitutional design and project development, postmodernism and digital reality, cryptocurrency, blockchain.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Akiev V. V., Nikulin I. G. Voprosy pravovogo regulirovaniya i nalogooblozheniya kriptovalyutnykh sistem // Nauka XXI veka: aktual'nye napravleniya razvitiya. — 2017. — № 1—1. — S. 254—256.
2. Babina K. I., Tarasenko G. V. Problemy pravovogo regulirovaniya kriptovalyuty v rossiyskom zakonodatel'stve // Pravo i ekonomika. — 2018. — № 1. — S. 26—29.
3. Belomyttseva O. S. O ponyatii kriptovalyuty. Bitkoin v ramkakh mneniy finansovykh regulyatorov i kontekste chastnykh i elektronnykh deneg // Problemy ucheta i finansov. — 2014. — № 2 (14). — S. 26.
4. Blinova O. Monety vmesto aktsiy // Kompaniya. — 2017. — № 4. — S. 41—42.

5. *Bondar' N. S.* Sudebnyy konstitutsionalizm: doktrina i praktika : monografiya. — 2-e izd., pererab. — M. : Norma: Infra-M, 2016. — 528 s.
6. *Bychkov V. V., Vekhov V. B.* Spetsial'nye znaniya, obespechivayushchie rassledovanie prestupleniy, svyazannykh s oborotom kriptovalyuty // Rossiyskiy sledovatel'. — 2018. — № 2. — S. 8—11.
7. *Vinogradov P. A.* Ponyatie virtual'nogo ob"ekta i oborotosposobnost' virtual'nykh ob"ektov v sisteme sovremennogo otechestvennogo zakonodatel'stva na primere internet-sayta // Molodoy ucheniy. — 2017. — № 15. — S. 229—234.
8. *Vitruk N. V.* Vernost' Konstitutsii : monografiya. — M. : Izd-vo RAP, 2008. — 272 s.
9. *Gadzhiev G. A.* Ontologiya prava: (kriticheskoe issledovanie yuridicheskogo kontsepta deystvitel'nosti) : monografiya. — M. : Norma: Infra-M, 2013. — 320 s.
10. *Evtushenko A., Polyakov E.* Po tsepochnke do Rossii: chto takoe blokcheyn i pochemu eta tekhnologiya vskore izmenit mir? // URL: <https://www.gazeta.ru/tech/2016/02/01>.
11. *Zor'kin V. D.* Pravo protiv khaosa : monografiya. — 2-e izd., ispr. i dop. — M. : Norma: Infra-M, 2018. — 368 s.
12. *Kravchenko L. I.* Kriptovalyuty: ot otritsaniya do nasazhdeniya // URL: <http://rusrand.ru/analytics/kriptovalyuty-ot-otricaniya-do-nasazhdeniya> (data obrashcheniya 23.10.2017).
13. *Kruss V. I.* Konstitutsionalizatsiya prava: osnovy teorii : monografiya. — M. : Norma: Infra-M, 2017. — 240 s.
14. *Kruss V. I.* Zloupotreblenie pravom : uchebnoe posobie. — M. : Norma: Infra-M, 2017. — 176 s.
15. *Kruss V. I.* Konstitutsionniy normokontrol' kak autentichnoe pravotvorchestvo // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. — 2012. — № 6. — S. 3—8.
16. *Kruss V. I.* Teoriya konstitutsionnogo pravopol'zovaniya. — M. : Norma, 2007. — 752 s.
17. *Kuznetsov V. A., Prokhorov R. A., Pukhov A. V.* O vozmozhnykh stsenariyakh zakonodatel'nogo regulirovaniya tsifrovyykh valyut v Rossii // Den'gi i kredit. — 2017. — № 7. — S. 52—56.
18. *Kurakin A. V., Karpukhin D. V., Shilina A. R.* Problemy pravovogo regulirovaniya ispol'zovaniya kriptovalyuty v Rossiyskoy Federatsii // Sovremennoe pravo. — 2018. — № 1. — S. 92—97.
19. *Kurtsveyl R.* Evolyutsiya razuma / per. s angl. T. P. Mosolovoy. — M. : E, 2016. — 448 s.
20. *Lemesh K. I.* O riskakh otsutstviya zakonodatel'nogo regulirovaniya oborota kriptovalyut v Rossii // Problemy sovremennoy ekonomiki (Novosibirsk). — 2015. — № 23. — S. 54—59.
21. *Makarchuk N. V.* Publichno-pravovye ogranicheniya kak osnovanie dlya opredeleniya kriptovalyut // Pravo i ekonomika. — 2018. — № 1. — S. 22—25.